

Библиотека Классической Литературы

МОРИС ДРЮОН

Лилия и лев

Перевод с французского

Москва 2017

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44
Д78

Maurice Druon
LE LIS ET LE LION

Originally published under the title «LES ROIS MAUDITS»
including: Vol. 6: LE LIS ET LE LION

© 1966 by Maurice Druon, Librairie Plon et Editions Mondiales

Художественное оформление серии *Андрея Бондаренко*

Иллюстрации *Юрия Платова*

Оформление суперобложки *Натальи Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников Виктора Барвитууса, Альберта Сэйгера и Чезаре Аугусто Детти

Д78 **Дрюон, Морис.**
Лилия и лев / Морис Дрюон ; [пер. с фр. Н. М. Жарковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-088528-2

В трагическую годину История возносит на гребень великих людей; но сами трагедии — дело рук посредственностей...

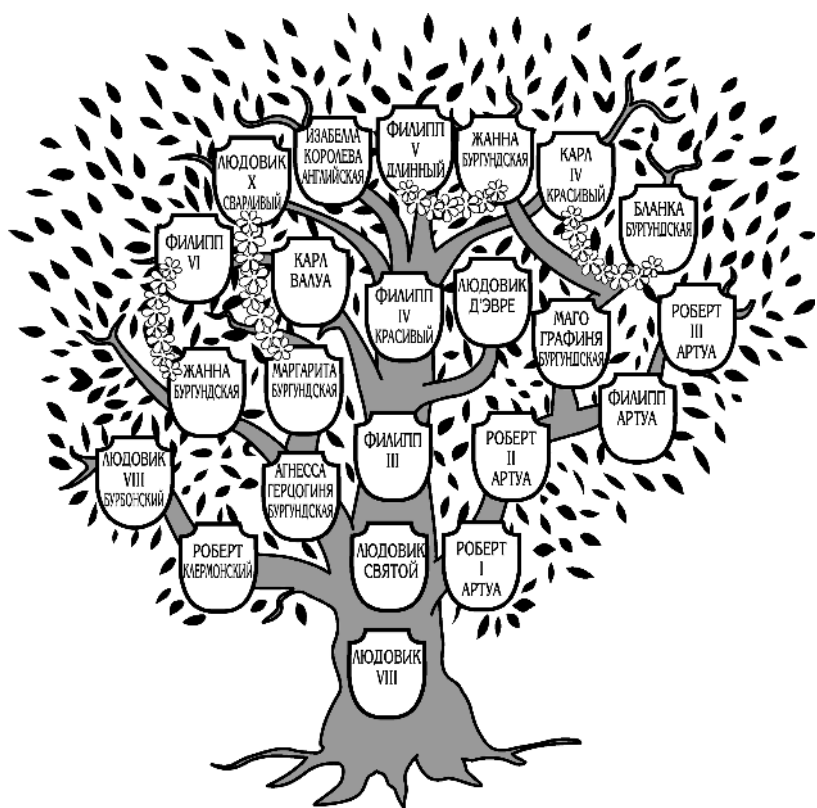
Проклятие Великого магистра Ордена тамплиеров, брошенное из пламени костра всему роду Капетингов, похоже, переросло само себя — и поразило всю Францию. Вот уж не осталось никого из проклятой династии — всех настигла смерть, — а невзгоды продолжают преследовать новую королевскую фамилию Валуа. Удары сыплются на нового короля Филиппа VI откуда ни возьмись. Его обманывает собственная жена, предает лучший друг и ближайший соратник, отказывается от клятвы верности самый крупный вассал... Но, что самое главное, все эти проблемы, которые поначалу казались малозначимыми и внутри-семейными, переросли в величайшее бедствие — войну, которой суждено будет продлиться сто лет. И лишь в ее горниле сгорит проклятие тамплиеров...

УДК 821.133.1-311.6

ББК 84(4Фра)-44

- © Ключанская Н. В., перевод на русский язык, 2016
- © Ефимов Л., перевод комментариев на русский язык, 2009
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-088528-2

Главное в политике — стремление к захвату и удержанию власти; и, следовательно, тут требуется воздействовать на умы принуждением или обманом... Политик в конечном счете всегда бывает принужден прибегать к фальсификации.

Поль Валери

Я хочу еще раз выразить горячую признательность Пьеру де Лакретелю, Жоржу Кесселю, Кристиану Гремийону, Мадлен Мариньяк, Жильберу Сиго, Жозе-Андре Лакуру за ценную помощь, которую они оказали мне во время работы над этим томом; хочу также поблагодарить работников Национальной библиотеки и Национальных архивов за необходимое содействие моим изысканиям.

М. Д.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОВЫЕ
КОРОЛИ

ГЛАВА I

БРАКОСОЧЕТАНИЕ В ЯНВАРЕ

Вот уже два часа подряд из всех городских приходов, и с левого, и с правого берега реки, из Сент-Дениса, из Сент-Катберта, из Сент-Мартин-и-Грегори, из Сент-Мэри-Сениор и Сент-Мэри-Джуниор, с Боен и с улицы Дубильщиков — отовсюду, со всех сторон тянулся йоркский люд, текли бесконечные вереницы зевак к Минстеру, к этому гиганту-собору с еще не достроенным западным порталом, к этой вытянутой в длину громаде, царившей с вершины холма над всей округой.

На Стоунгейт и на Дингейт, на двух кривых улочках, выходявших к Ярду, получился настоящий затор. Даже неунывающие мальчишки, взгромоздившиеся на каменные тумбы, видели на площади одни лишь головы, головы... сотни и тысячи голов. Горожане, торговцы, почтенные матроны с целыми выводками ребятишек, калечные на костылях, служанки, ремесленники, клирики в своих капюшонах, солдаты в кольчугах, нищие в жалких отрепьях — все смешались, как соломинки в копне сена. Проворные пальцы воришек очищали карманы зевак, собирая жатву вперед на целых полгода. Из окон, как гроздь, свешивались головы.

Среди бела дня наполоз откуда-то, словно дым, серый влажный полумрак, зябкая мгла, плотный, как вата, ту-

ман, окутавший огромный костяк собора, тысячи шлепавших по грязи зевак. Люди сбивались плотнее, лишь бы сохранить драгоценное тепло.

Двадцать четвертое января 1328 года. Здесь, в соборе, его преосвященство Уильям Мелтон, архиепископ Йоркский и примас Англии, сочетал браком короля Эдуарда III, которому не было еще и шестнадцати, с мадам Филиппой Геннегау, его троюродной сестрой, которой недавно исполнилось четырнадцать.

Некуда было яблоку упасть в соборе, где собралась вся высшая знать — государственные сановники, высшее духовенство, члены Парламента, да еще пять сотен рыцарей и сотня шотландских дворян в клетчатом одеянии, уполномоченных не только представлять Шотландию на брачной церемонии, но заодно и подписать мирный договор. Вот-вот должна была начаться торжественная месса, и по этому случаю был приглашен хор в сто двадцать певчих.

Но первая часть церемонии — собственно говоря, само бракосочетание — происходила перед южным порталом, на паперти собора и на виду собравшегося народа, согласно древнему ритуалу и обычаям Йоркской епархии.

На алом бархате балдахина, воздвигнутого на паперти, взбухали влажные полосы оседавшего мельчайшими каплями тумана на епископских митрах; мокрые меха липли к плечам королевской родни, сгрудившейся вокруг юной четы.

— *Here I take thee, Philippa, to my wedded wife, to have and to hold at bed and at board...* — Беру тебя, Филиппа, в законные жены, дабы иметь тебя при себе на ложе своем и у очага своего...

Слова клятвы произносил безусый юнец с мальчишески пухлыми губами, и, однако, голос шестнадцатилетнего короля поразил присутствующих силой, чистотой и

какой-то особо выразительной звучностью. Поразил он и мать Эдуарда III — королеву Изабеллу Французскую, и мессира Иоганна Геннегау, дядю новобрачной, и всех вельмож, и среди них графа Эдмунда Кентского и Норфолкского и графа Ланкастерского, по прозвищу Кривая Шея, главу Регентского совета и королевского опекуна, стоявших в первом ряду.

— *...for fairer for fouler, for better for worse, in sickness and in health...* — в красоте и убожестве, в счастье и несчастье, в болезни и в здравии...

Шепот, стоявший над толпой, вдруг смолк. Будто круговая волна тишины омыла всю площадь, и лишь голос короля раздавался над тысячами голов, юный, чистый голос, слышный в самых дальних уголках площади. Неторопливо произносил король слова обета, выученного им наизусть еще накануне, но чудилось, будто рождаются они у всех на глазах прямо из сердца — так проникновенно звучало каждое слово, так он «обдумывал» каждую священную формулу, дабы вложить в нее самый сокровенный и самый заветный смысл. Казалось, Эдуард творит молитву, ту молитву, что не повторяют дважды, а творят лишь один-единственный раз на всю жизнь.

И устами этого юноши говорила душа зрелого мужа, человека, с открытыми глазами принимающего на себя обет перед лицом Неба, правителя, сознающего свою роль посредника между богом и народом. Новый король брал родных, близких, важных сановников, баронов, прелатов, жителей города Йорка и всей Англии в свидетели своей любви к королеве Филиппе.

Пророки, ревностно служащие Господу своему, духовные вожаки народа, сильные своей одержимостью, умеют как никто заразить толпу своей верой. Публично выраженная любовь также наделена этим свойством, чув-

ства одного человека способны сплотить людей в едином порыве.

Не было среди собравшихся у собора ни одной женщины, которая независимо от возраста, будь то счастливая новобрачная или обманутая жена, вдова, девица, дряхлая бабка, не поставила бы себя сейчас на место брачующейся, и не было ни одного мужчины, не отождествлявшего себя в эти минуты с юным королем. Эдуард III сочетался с вечно женственным, с женской половиной своих подданных, и казалось, само королевство единодушно выбрало ему в подруги Филиппу. Все грезы юности, все разочарования зрелости, все сожаления старости о несбывшихся надеждах влеклись к молодой чете, подобно дару, приносимому каждым сердцем. Нынче вечером тьму улиц прорежет сияние этих молодых глаз, и даже старые супружеские пары, уже давно живущие, хоть и бок о бок, но каждый сам по себе, возьмутся после ужина за руки.

И если с давнишних времен народ всегда стремится поглазеть на королевскую свадьбу, то движет людьми одно желание — пережить, если не прямо, то хоть косвенно, минуты этого счастья, ибо, вознесенное на такую высоту, оно кажется совершенным.

— *...till death us do part...* — пока не разлучит нас смерть...

У каждого при этих словах перехватило горло; вся площадь испустила долгий вздох, вздох грустного удивления, почти осуждающий вздох. Нет, негоже в такие минуты даже поминать смерть; не может быть, чтобы этим двум столь юным существам была уготована общая участь; даже помыслить трудно, что и они тоже смертны.

— *...and thereto I plight thee my troth...* — и по всем этом я даю тебе свою клятву.

Юный король чувствовал взволнованное дыхание толпы, но не бросил туда взгляда. Его светло-голубые,

почти серые глаза под длинными ресницами были устремлены на эту рыженькую пухленькую девочку, всю в бархате и покрывалах, которой он приносил свою клятву.

Ибо Филиппа отнюдь не походила на принцессу из волшебной сказки, даже хорошенькой ее трудно было назвать. Как у всех Геннегау, черты у нее были расплывчатые, нос чуть вздернутый, шея коротковата, и притом все лицо в веснушках. Ни в повадках, ни во всем облике не проглядывало особого изящества, зато она была совсем простенькая и даже не пыталась придать себе величественный вид, что было бы ей вовсе не к лицу. Не будь на ней этого королевского наряда, ее трудно было бы отличить от любой рыженькой девушки, ее ровесницы: таких пухленьких рыженьких девочек сотни, если не тысячи, во всех северных странах Европы. Она была избранницей судьбы и Господа Бога, но, в сущности, ничем, буквально ничем не отличалась ото всех прочих женщин, чьей королевой ей суждено было стать. Любая рыженькая пухленькая девица чувствовала себя польщенной и как бы поднявшейся ступенью выше по иерархической лестнице.

Сама Филиппа, взволнованная до дрожи, не подымала век, словно не в силах была выдержать устремленный на нее пристальный взгляд своего супруга. Все, что произошло с нею, было чересчур прекрасно. Сколько вокруг нее корон, сколько митр, а эти рыцари, а эти дамы, которых она успела заметить внутри собора, стоявшие в ряд за огромными свечами, как души избранных в раю, и вся эта толпа на площади... Королевой, она будет королевой, и избрана она по любви!

О, как же она будет холить, угождать, боготворить этого белокурого красавца принца, у которого такие длинные ресницы, такие тонкие руки, который каким-то чудом появился в их Валансьенне полтора года назад, прибыл туда вместе с изгнанницей матерью, приехавшей